

18+

Vysheslav Filevsky

**ДУРАЧОК, ИЛИ
ЭРОТИЧЕСКИЙ СОН
В АВГУСТОВСКУЮ НОЧЬ**

Vysheslav Filevsky
**Дурачок, или Эротический
сон в августовскую ночь**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53662083

ISBN 9785449865083

Аннотация

Эмигрант из южноамериканской глуши возвращается продать квартиру. На родине пенсионная реформа: питаюсь изменёнными продуктами, не живу дольше 60 лет; больных, неподдающихся и несогласных сжигают. Люди достаточны, от этого счастливы, живут по совести – поклоняясь Богу-Деньги. Царящий разврат захватывает героя. Но он не выдерживает натиска воровского уклада и от ужаса преобразуется в ангела.

Содержание

Пояснение	5
«Гей, славяне»	8
Сиськовещательница	14
Ком анчутинга	21
Сверхрынок	28
Мушка «на голубом глазу», или театр масок	35
Прейскурант	38
Чёрные когти	42
Раздевающие очки	47
Жажда	53
Остатки гражданского неповиновения	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дурачок, или Эротический сон в августовскую ночь

Vysheslav Filevsky

© Vysheslav Filevsky, 2020

ISBN 978-5-4498-6508-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение

Перед вами действительно описание приснившегося мне в августе 2019 года. Видение было настолько развёрнутым и ярким, что по пробуждении я немедленно записал его основные вехи. А вот работа по воплощению сна протекала очень долго, потому что мне было крайне неприятна и даже отталкивающа большая часть его содержания. Но бросить эту мерзость почему-то было жалко...

Зачем писать мерзость? – Дело не в ней самой, а в выводе, в преодолении её, в надежде на чистое, божественное прекрасное и обретении его.

Сон отражает в преломлённом виде происшедшее со мной на самом деле, страхи по поводу того, что предстоит совершить в будущем и происходящее в настоящее время. Это и совершающаяся как в России, так и в Бразилии пенсионная реформа. Это и необходимость продать квартиру в обществе, кишасщем людьми, лишёнными какой бы то ни было нравственности. Это и отклик на множественные оскорбления и ограбления, которым я подвергался на Родине, в частности, краже квартиры. Это и кощунственно-лживый и даже оскорбительный лично для меня религиозный обычай. Это и кровоточащая рана от разрушения жизни моей и жизни моей семьи и от непрекращающегося звериного глумления над этой жизнью, над моею Родиной в Интернете, о чём я

читаю. Прошу прощения у зверей – звери, как представляется, куда чище и благородней людей. . .

Предполагаю, в основном читателю моя писанина не близка. Но я пишу не для замороченных бытием и нуждающихся в развлечении людей, а оставляю таким образом потомкам мой жизненный и духовный опыт. Мне наивно представляется, что когда-то кому-то он может понадобиться. А нет – так нет, мне это не важно: мой взор устремлён в святую бесконечность, я уже не с вами, а за некоей духовной гранью.

Действующие лица не выдуманы, но так или иначе изменены в сравнении с образами, с которых они списаны, как оно и случается во снах. Но есть исключения. Так, почти полностью сочинён образ директора кладбища. Хотя то, что он говорит, имеет в мире место на самом деле. Не вполне близок к действительному и образ ангела, хотя встретить ангела мне посчастливилось в жизни, даже двух: в России и в Бразилии. Но у меня с настоящими ангелами исключительно духовное общение. Они – и живущие на самом деле люди, и пребывающие только в духе. Во многом сочинён образ главного действующего лица. Придуманно событие, послужившее причиной его духовного преображения. . .

Во множестве разными людьми описаны именно такие преображения – происшедшие в общении с духовным наставником. Но у меня по жизни было иначе. Я претерпел множество посвящений, и почти все – без человеческой помощи. К большому сожалению, большую часть из них я

не описал – только некоторые, самые серьёзные. Но суть посвящений, их итог похож на тот, что показан в книге...

Вообще духовное преобразование – явление слишком сложное, непонятное и крайне далёкое обычному человеку. Его описание требует чрезвычайного мастерства, которым, боюсь, не обладаю. Помилосердствуйте и простите меня. Попробую, однако, говорить о возвышенном, думаю, нужно, хотя и не вслух, а на том или ином носителе: вслух – нелепо и неблагословенно.

И в заключение скажу, что действие происходит ни в какой стране. Я нигде не обозначаю её имя, как и имя народа, не давая никому поводов для отрицательных переживаний и упрёков: **всё написанное не имеет никакого отношения лично к вашей жизни – только изложение сонных видений. Где-то что-то узнали – это плод вашего воображения.**

Вьшеслав Филевский, 19 апреля 2020 года, в день чудесного воскресения Иисуса-из-Назарета (по православному календарю).

«Гей, славяне»

Я переехал жить в Южную Америку, в глушь. На родине квартира сдавалась много лет. Я жил на эти деньги. Так поступают многие эмигранты, вы знаете. А теперь полетел продать её, потому что мы с женой захотели несколько улучшить наши скромные жилищные условия на старости лет...

Южная Америка небогатая. Но приличное жильё там стоит дорого даже в провинции. По скудости средств приходится жить неприлично, и оно может набить оскомину, не правда ли?

Спросите, зачем же я переехал из приличного места в неприличное? – Ответить не просто. Потому что приличность состоит не только в качестве сооружений... Однако не буду говорить об этом яснее, чтобы никого не обидеть уже в первых строках моего рассказа...

Прямых самолётов от нас на мою Родину по счастью нет. С обеих сторон друг дружкой особо не любопытствуют... Молодцы! Правильно, нечего – оно суетно.

После пересадки в Париже в соседнем кресле оказался словенец – я по паспорту разобрал. И он увидел на моём билете славянское имя. Обрадовавшись нашей общности, перекинулись несколькими словами, а улыбками менялись и того чаще. Воистину не выразишь и кучей слов того, что становится понятным после пары взглядов...

Словения НАТО? – Так оно для начальства НАТО... Дело начальства стравливать братьев, а дело настоящих братьев делать вид, что подчиняются, но с фигою в кармане... Да!.. И вообще, *как часто начальник оказывается лишь названным отцом, издевающимся над пасынками...* Ну да вы знакомы с этим не понаслышке.

В столице моей родины на паспортный контроль отправились вместе. Словенец прошёл его обыкновенно, но получил какую-то карточку. А на меня полицейский посмотрел напряжённо и не дал ничего. Вспыхнуло любопытство. Догнал словенца.

– Эй, приятель, прости, интересно, что это тебе дал полицейский. Потому что мне ничего не дал. —

Словенец съёжился. Его глаза странно замерли.

– *Ste torej državljan katere države? Ali niste iz Južne Amerike?*

(Так вы гражданин какой страны? Разве вы не из Южной Америки?)

– У меня двойное гражданство, – соврал я на всякий случай.

У меня был только вид на жительство в Бразилии. А полицейскому, естественно, я показал документ своего урождённого – единственного гражданства.

– *V tem primeru ste zaman oddali lokalni potni list.*

(В таком случае вы подали местный паспорт напрасно.) —

Тут надо сказать, что я – пожилой, молящийся человек.

Происходящее в мире мне представляется сущим безумием. *Редко, кто отрицает, что мир – это большой сумасшедший дом*, не правда ли? Поэтому за новостями не слежу, и не увидел оснований скрывать на родине моё гражданство. —

– Naj živi slovansko bratstvo! (Да здравствует славянское братство!) – Воскликнул между тем словенец. И показал полученную от полицейского карточку. На ней оказался список продовольственных магазинов для иностранцев. И даже дал визитку:

– Vzemite mojo vizitko za vsak primer. Če se kaj zgodi, bom poskušal pomagati. (Возьмите мою визитку на всякий случай. Если что-нибудь случится, я постараюсь помочь.) —

Я не понял, что означало поведение словенца и речи его. Но поблагодарил. Почувствовал гордость, что славянин. Вознёс хвалу Всевышнему за то, что в славянских сердцах остались родственные чувства. И, напевая «Гей, славяне» и не сворачивая к Аэроэкспрессу, пошёл в целях экономии на обычный электропоезд:

«...Дух славянский жив на веки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно...» —

Я легонько размахивал свободной от чемодана рукой в лад песне. Этими же жестами отгонял, как комаров, «бомбил» — так соотечественники называли извозчиков-индивидуалов.

Был всем доволен. На душе солнышко сияло. На небе – пасмурно, но для меня это не имело никакого значения, ибо **главное солнце для человека вовсе не то, что звезда в небе.**

Билетных касс не было. У проходного устройства стоял мужик в форме, безразличный, как манекен. Только на голове манекена по старинке было нарисовано лицо, а то сейчас ведь в основном они безлицые.

Сомневаясь, живой он или нет, я всё-таки спросил, как попасть на электропоезд. «Манекен» ожил и, не поворачивая кочана, механично ответил:

– Смартфон приложи. – И ткнул пальцем в жёлтый круг на походном устройстве.

Я заморожённо смотрел на мужика во все глаза. Но у того на лице вдруг двинулись мускулы. Мужик повернул голову и с искренним удивлением спросил:

– Да ты откуда взялся-то такой?

– Из Южной Америки, а что?

– А-а, – протянул мужик погрузнев, – дикие места, обезьяны. Вернись в аэровокзал и купи смартфон, – подвёл он черту разговору, возвратившись к своему обычному роботообразному состоянию.

«Быть живым роботом – в этом что-то есть», – мелькнула мысль. Мелькать, однако, было недосуг, и я поспешил выполнить распоряжение манекена.

В аэровокзале действительно оказался целый развал

смартфонов.

– Самый дешёвый, для покупок, – попросил я.

Продавец оглядел меня и оценил очевидно нелестно:

– Б/у?

– Да, конечно. —

В самом деле, дома мне смартфон не нужен. Потому что я не разговариваю: угу, я и в самом деле настоящий молящийся, который молчит... Да-а. Редко, но бывают такие дураки... А знаете, почему молчу? – Ложь вокруг, вот почему. Играть в мирские бирюльки уж не с руки. Никто этого не понимает, играют, забавляются, головы друг дружке морочат. А **я не сумасшедший: никому ничего не доказываю**. Просто довожу до сведения, что у меня обет молчания – и все остаются с дурацкими разговорами... Попробуйте записать на диктофон ваши разговоры в течение одного дня – и согласитесь, что все ваши речи, прошу пощения, хм-хм, не очень умные... Поэтому у меня только самый простенький «Нокия» для общения с Интернет-банком.

Компьютер я в своё время освоил. Он мне для работы нужен. А вот со смартфоном в аэропорту я проскрипел зубами несколько часов, пока в общих чертах не разобрался, что к чему и не подсоединил номер этого приспособления к своему банковскому счёту... И плакал, и ругался матом, и молил Всевышнее о помощи – всё было. Хорошо, в самолёте крепко накормили, и голод меня не беспокоил во время действия сего. А то б и булочки не смог купить... *Когда много мо-*

лишься, чувствуешь, что окружающая жизнь течёт в другой плоскости, и она представляется не вполне правильной и разумной.

– Поспал, что ли? – спросил равнодушно «робот», когда я вернулся к платформе.

– Вроде того. —

Сиськовещательница

...В отличие от аэроэкспресса, электропоезд шёл со всеми остановками. Но я не жалел, что сел на него. Было интересно и понаблюдать за соотечественниками, и послушать родную речь после многолетнего отсутствия...

Разворачивалось утро. *Работяги ехали в столицу на труды праведные, а некоторые, совершенно точно, и на не праведные, ибо на правде далеко не уедешь...* Сразу обращала на себя внимание приличная одежда работяг: ни рванины, ни грязных штанов, ни полуразвалившейся обуви... – «Забогател народ!» – порадовался я на соотечественников.

После Южной Америки в вагоне показалось тихо. (У нас кричат – уши затыкай, что я и делаю.) Только временами кто-то редко и негромко перетягивался. – «Беззлобно! – отметил я и удивился: «куда что деваается?» – Ощущалось, злобы в соотечественниках явно поуменьшилось. Слова же были понятны не все. Но даже привычные не всегда выстраивались в моём восприятии в смысловой ряд.

«Всё меняется, – подумал я и вздохнул. – Никуда не денешься. **Язык так же текуч, как и вода в речке. Называется он „речкой“ по-старому, как и тысячу лет назад. А вот водица-то в иней уже очень и очень не та-а-а... Не понюхаешь без противогоза, а уж пить – ха-ха-ха, сами пейте, а я воздержусь: себя уважаю...**» Впро-

чем, *уважать хоть себя, хоть кого другого нынче не принято*. И я, будто подражая окружающим, *беззлобно* ругнулся про себя матом – и как-то сразу вновь почувствовал себя местным. Стало хорошо и спокойно на душе, и я любил всё и вся...

Перед столицей в вагоне набилась, как говорится, полна ж. па огурцов. Мой чемодан доставлял людям некоторое неудобство. Толстая тётка рядом поправила положение.

– Подвинься-ка, дядя, – молвила она грудным голосом, исходившим будто из её огромных сисек. – Давай-давай, – гудели сиськи.

Я мешкал. Тогда тётка размахнулась средней частью своего могучего тела. И я вдавился вместе с чемоданом в стенку вагона, как муха в ветровое стекло несущегося средства передвижения. То есть в родных селениях настоящие женщины не вывелись. «Полезный опыт», – подумал я, выпучив глаза.

От тётки пахло смесью из котлет, редьки и пива, будто пёрнула только что... А, может, и правда? – Дело житейское. А тётка покровительственно покосилась на меня:

– В тесноте, да не в обиде..., да, *куманёк?* – И рассмеялась, как кобыла. К нам стали оборачиваться... Что, не слышали, как кобылы смеются? – Ах, горожане-горожане, всё бы вам выхлопными газами дышать.

Ещё не успев ввести свои глаза в орбиты, я согласно покачал головой. А «кума», уже совершенно вывернув голову

на меня и округлив глаза, молвила удивлённо:

– Да ты, поди, из Израиля к нам припёрся?!

– Из Южной Америки, – ответил я, покоряясь судьбе.

– Ну, это едино, – подтвердила свою догадку «кума». – Вы все там на одно лицо. —

Я дёрнул пятернёй и шейей одновременно и скорчил несогласную гримасу.

– Да ты рожу-то не строй мне... куманёк, – сказали уже вполне добродушно сиськи. —

Никогда не думал, что сиськи могут быть отражателями звука. —

– Отстала бы ты баба, от мужика, – тяжело сказал мрачный работяга, что стоял в проходе, как по голове огрел. – Треснула его задницей. Нет, чтоб извиниться, так и издеваешься ещё.

– А ты не встречавл бы, дядя, – по-собачьи огрызнулась «кума».

Но тут нам на помощь пришла серенькая и, по всему видеть, злая женщина:

– А ведь я вас, уважаемая, знаю, – сказала она негромко, но так значительно, что все смолкли, недоброе почуяв. – И ФИО, и адрес... —

Разом установилась полная тишина... Перестукивали колёса. «Кума» как-то сжалась, даже задница будто стала попостнее, и прикусила язык... «Кума», в смысле, язык прикусила: *ж. пой не кусаются.*

– Оптимизация, бл. дь, не хрен собачий, – с понятием сказал работяга, как бы сам себе – легче, уже не как кирпичом.

– Станция Калинин, – нарушил тишину громкоговоритель. – Следующая – «Столица-товарная»... Осторожно, двери закрываются... Граждане пассажиры, во избежание оптимизации не забывайте под сидениями взрывоопасные предметы. Спасибо за понимание. —

Моё недоумение нарастало. Но спросить окружающих, что же это за оптимизация, я опасался... Сидящие попутчики играли в телефоны. Стоящие глядели куда-то сквозь... Царила тишина...

«Калинка, калинка, малинка моя...» – пел в голове знаменитый солдатский хор, который я слушал в детстве на патефоне. Только замедленно. Звук предательски и волнообразно плавал, пока, дойдя до басов, не прервался, как пьяный. – Приехали... Песня упала на асфальт и размазалась...

На выход я с народом не ломился. Ждал. Расталкивая последних ездоков, по вагону уже бежали полицейские с палками и фонарями. Скоро шарили под лавками.

– Давай-давай, отец, руки в ноги. —

Я развернул им в ответ ладонь к виску и выкатил чемодан на платформу.

Тащусь себе... Вижу: на здании вокзала большой портрет приятно улыбающегося утконосого мужичка с тремя большими волосинками на темени. Я захихикал, потому что вспомнил песню про Кадерусселя, которую мы пели в школе.

У того было как раз три волоска, и он был большим чудачком, как, судя по всему, этот утконосый.

Над «Кадерусселем» крупно красовалось какая-то надпись китайскими иероглифами. А под ней, уже по-нашему... – Опять оно: «... плюс оптимизация!»

С другой стороны платформы поезда не было. Недалеко от табло стоял худой молоджавый мужчина в кепке и, как встарь, невоспитанно плевал семечки на рельсы... Я решил: «Ежели не в бейсболке – глубокий провинциал, и хамить не будет скорее всего». А потому подкатил к нему с чемоданом и сказал:

– Прошу прощения, уважаемый. Я издалека, давно здесь не был. Не объясните ли, оптимизация плюс что? – И ткнул пальцем в надпись.

Тот вздохнул, далеко выплюнул ошурки, стрельнул на меня серыми глазами:

– Плюс *верномолие*, – сказал он с расстановкой. – Из пустыни, что ли, или с гор спустились?

– Вроде того. Ясно... А кто этот приятный утконосый мужчина с тремя волосками? – решился я спросить, обнадёженный доброжелательным ответом.

Сероглазая кепка обернулась ко мне и стала рассматривать с головы до ног, рьяно двигая скулами в отделении зёрен от плевел. И, наконец, совершив страшный суд сей в пасти своей, сказала спокойно эдак:

– А шёл бы ты, дядя, отсюда... – И кепка обозначила

несколько мест, подходящих для меня, по её мнению. – А то сейчас получишь по... – И она навала мой рот неблагозвучным словом... Я догадался по смыслу. А по завершении речи кепка, сглотив зёрна, выплюнула оставшееся содержимое рта – грешников то есть – мне в морду...

В бытийствии на Родине я подобное испытывал не раз... А что, вам не плевали, что ли? – хе-хе... – Повезло... Поэтому я не удивился отсутствию славянского братства у соотечественников: оно иногда (даже очень иногда) может проявиться только между славянами-иностранцами...

Знаете, злые языки говорят, что и вовсе никакого славянского братства не существует... Может и так, а верить в это я не хочу, хотя один из языков принадлежит Ф. Достоевскому. Да вот и словенец из самолёта рожу Достоевскому корчит по этому поводу...

Я глубоко вдохнул, шумно выдохнул, отвернулся и быстро двинулся к вокзалу, вытирая левой рукой лицо платком и чувствуя удовлетворение от узнавания Родины:

– Здравствуй, матушка! Давно не виделись. – Ну и присовокупил, слова, полагающееся к случаю, вы знаете...

Вы, наверное, удивляетесь: как же так, он же молящийся!.. – А не всё так в жизни просто, как у попов. Они судят о жизни бесчувственно, по иудейским книжкам. На самом же деле **мат не мешает любить Отечество, а иногда даже и способствует, придавая любви этой задушевность, сочность и смак...** Да вы знаете... Чистоту же ма-

ту придаёт глубокое уважение к жизни и людям. И вообще лучше мат, но с любовью, чем холодная, циничная и ненавистная вежливость, не правда ли? – Сравните.

Тут в душе у меня возникло давно забытое на чужбине чувство воли. Захотелось купить стеклянную бутылку пива, выпить – и треснуть кого-нибудь по башке, предварительно послав его на х. й. Одно слово —Родина!..

Ком анчутинга

Готовясь к перелёту, я искал в Интернете жильё в столице моего Отечества. Конечно, дешёвое. Что ещё может себе позволить пенсионер либерально-преображающейся страны? Поэтому остановился на услугах всемирно известного учреждения «Анчутинг. ком»¹. «Может и не обкрадут», – подумал я, зная, что не прав...

¹ *В восточно-славянских сказках анчутка – это бес, злой дух.*

Путь вокруг сплошные воры, бандиты, развратники и лжецы, но надо свято и наивно верить, что это не так. Потому что лучше остаться в дураках, чем отупеть от страшной правды. Душу, душу свою нужно беречь... Какая там зеница ока? Без зеницы можно обойтись, а вот без души – я вам не завидую.

Одним словом, заплатил задаток. Обещали вернуть, если что. – Нашли дурака, хе! – чтобы я кому-то поверил... Начав же общаться с Анчутингом, сразу понял, что дело, как и следует из названия, пойдёт, говоря по-сказочному – бесовски, или комом: по Интернету мне отвечала совершенная кикимора на моём родном языке, начиная всякий раз сообщения со слов «не понимаю». – «Определённо малоумная, убежала из интерната и устроилась по знакомству».

И я с тоской вспоминал наших южноамериканских газо-

виков. Их учреждение называется «Ангел. газ». И в самом деле, приезжают рослые, улыбающиеся во весь рот негры с газовыми баллонами. – Ну сущие ангелы... Что?.. Ангелы не чёрные? – Да отстаньте вы с вашими иудейскими сказками. Задолбали...

Конечно, можно сказать, мол, на какого хрена ты, дед, связался с учреждением, носящим бесовское название? Но и я за ответом в карман не полезу: «А вы на кой ляд рай-исполком на ад-министрацию сменяли, хи-хи-хи-хи? – Квиты, да?.. – Одним словом, долой сказки да прибаутки. Давайте жить и думать по-простому.

Я снял комнату в двухкомнатной квартире за тысячу долларов в месяц. Не скажу, дёшево. Но прельстился и всемирной известностью Анчутинга, и расположением: дом находился недалеко от кладбища, где похоронены предки.

Кладбище в жизни славян место почитаемое, не то, что в Южной Америке. Там поминальный день один – на Всех святых. А поскольку живые чуть не поголовно едут на кладбище на машинах, то встать негде. Многие из-за этого от поездки отказываются – и получается ни одного поминального дня...

«Да, в столице можно было в два раза дешевле устроиться в хостеле на нарах. Но там будет напряжение с интимным пространством и лицезрением разврата», – решил я. Гостиничные капсулы казались чем-то тюремным... Метаться по характеру не люблю. Тут подражаю Понтию Пилату: что

сделал – то сделал. То есть будь, что будет, и пошло всё туда-то...

Хозяев оказалось двое. Они встретили меня в квартире. Тонкий и толстый, грубо говоря, если судить по лицам – высушенное яблоко и блин масляный. Тонкий сутулился, а толстый не мог. Он напоминал снежную бабу без установочного кома – ноги вместо него росли. У тонкого же ноги были, как у Барби, но он их прятал в брюки. Кривые, наверное... – ноги, в смысле.

Также у тонкого висели брыльца и сморщенная шея под подбородком. Её с лихвой восполнял второй подбородок толстого; и этот подбородок утверждал удовлетворение сего дородного мужчины жизнью.

Очень разнились и глаза. У тонкого они были сущими репьями, а у толстого – будто осоловелыми. И вообще от него веяло алкогольной размягченностью. «Навскидку – бутылка водки в день», – предположил я. – С такими общение доброжелательное, но, к сожалению, безмозглое». И я решил в деловых переговорах опираться на тонкого: «Репьи так репьи, перебьюсь».

...Комната оказалась в самом деле просторной, на тридцатом, последнем этаже. Из окна – вид на значительную часть столицы, на центр, в том числе. Внутренности: огромная кровать, микроволновка, телевизор, большой платяной шкаф. Ну и мелочь... Стол только маленький, для еды... Ничего не поделаешь, современным людям столы не нужны.

Разве под компьютеры. Они и едят на диване, телевизор глядячи.

Но смысловым пятном комнаты был портрет Кадеруссе-ля. В скромной рамке, повешенный над кроватью, он излучал нечто отеческое, вызывал приятные воспоминания о детстве, успокаивал, убаюкивал, и даже предчувствовалось, что по ночам он будет парить в изголовье, как ангел-хранитель, и... *оптимизировать* сон... Я почему-то вздрогнул от этой мысли.

– Как? – сладко улыбаясь, спросил толстый.

– Прекрасно, – ответил я и тут же перевёл взгляд на репы.

– Туалет общий. Сейчас девчонка живёт. Ещё дней десять будет, – сказал тонкий, морщась, будто горькое жуя.

– Сживёмся, – ответил я, покладисто улыбаясь. – Молодые встают поздно, а я жаворонок.

– Вот и хорошо, – удовлетворился тонкий. Открыл дверь на крохотный балкон и сплюнул вниз.

– А заплатим когда? – глазки толстого замутились уже совершенно.

– Давайте завтра, у меня карты нет, – предложил я. – После обеда.

– Зайдём. – Толстый улыбался, как масленичный блин.

– За месяц сразу, – уточнил тонкий и обильно сглотнул, положив подбородок на грудь.

– А подтверждение? – Не унимался я.

– Да что вы, уважаемый, в банке, в банке заплатите, – воз-

разил тонкий. И репыи его почему-то позеленели. – До завтра. —

Толстый мне пожал руку. Вышли. В дверях мелькнула растрёпанная особа лет двадцати пяти в халатике размера на три меньше нужного.

– Ну ты тут поаккуратнее, – сказал ей толстый, по-диогеновски ворочая камни во рту. Видимо, он выпил свою бутылку в лифте. Потому что его на глазах развозило. – Приличный пожилой человек. —

Деваха покатила со смеху:

– Так мы ж его мигом оптимизируем.

– Молчи, дура! – взвизгнул тонкий и захлопнул мою дверь. —

Из коридора несколько мгновений доносилась возня, рычание, женская матерщина, взвизг, стон... Потом хлопнула входная дверь – и всё стихло... По-моему, кто-то получил по морде...

«Дда-а-а, анчутинг – определённый и полный», – убедился я...

Слово «оптимизация» явно преследовало меня. Прицепилось пиявкой к сознанию намертво. Оно связывалось одновременно и с глазами тонкого, и с лукавым трёхволосным Кадерусселем, и – не отдиралось, как китайским клеем к мозгам присобачилось... От этого я чувствовал тревогу: что-то, а у китайского клея хватка бульдожья...

Подошёл к окну. Рассматривал город, хотя назвать меня

любителем камней едва ли будет правильным. А впрочем, столица моей Родины – один из самых зелёных городов мира. – Ле-по-та-а-а! – Не то, что у нас: город в камнях и асфальте, а уцелевшие после столетнего господства человека в нашей местности деревья безжалостно вырубают, ничего не сажая взамен...

У городских латинос просто болезненная тяга к уничтожению деревьев. Срубить мало: специальной машиной разрушают пень сантиметров на двадцать ниже уровня земли, безжалостно рвут ростки, которые вдруг потрясаяюще жизнелюбиво проклёвываются, а ежели и это не помогает, то бензином заливают... – Вот это ненависть, а?! ... **Почему людям так важно ненавидеть всё живое?** – Это для меня совершенная загадка.

Однако, обзрев окрестности столицы, я отметил, что понятие «лепота» в сознании всё же не возникло. Тем более, неподалёку обнаружилось трёхэтажное здание с кирпичной трубой... Из трубы валили клубы чёрного дыма...

Вход на третий этаж дымного здания был почему-то с улицы. В смысле, с террасы. А на террасе стояли несколько женщин эдак за пятьдесят, две девочки среди них... Все были одеты почему-то в старую серую одежду, будто сошли с фотографии примерно восьмидесятилетней давности.

Женщины как-то напряжённо молчали... Желая лучше рассмотреть их, я вышел на балкончик... Внутри здания с балкончика вела метеллическая дверь – воротца, точнее...

Вдруг раздался громкий нечеловеческий голос:

– Пять. —

Створки воротец раздвинулись. И пять женщин, склонив головы, гуськом вошли. Створки с негромким лязгом задвинулись...

«Хм, что бы это значило?» – я не мог ума приложить. Да и прилагать уже не было возможности: усталость навалилась. Дело нешуточное – пятнадцать часов чистого лёту, да четыре часа отсидки в аэропорту Шарля де Голля. И я не солоно пожрамши ухрюкался спать. Среди ночи только пижаму надел после поссать.

В комнате девахи точно был мужик, потому что она сдержанно постанывала... «Молодая», – понимающе подумал я: сука, одним словом... Воняло куревом.

Сверхрынок

«Встал я рано, в шесть часов» по обыкновению. Голодный – хоть занавеску жуй. Деваха дрыхла, потому как было тихо и благодатно. В воздухе, правда, висела нравственная нечистота... Не знаете, что это такое?.. Как объяснить?.. Ну вот в нашей стране, хотя и крайне правые у власти, а свобода нутром чувствуется. На Родину же прилетаешь – сразу что-то давить начинает, вначале едва заметно, а потом всё сильнее и сильнее... Ощущение духовного топора, что ли...

Или нет, не точно: топор сверху, а тут давление просто плющит со всех сторон... Потом же, месяца через два человек привыкает – и кажется, что всё хорошо – как надо: это естественная духовная среда, в которой не только можно, а и благодатно жить. И жизнь кажется столь замечательной, что так и тянет распространить её по всему миру... И удивляется сам себе человек: а чего это ему топор в воздухе висел? – Ошибся, видать, поклёп на жизнь навёл – выродок, отщепенец. И чистосердечно кается в мыслях своих перед народом.

Так и тут. Если человек пребывает постоянно в молитве, а войдёт в бардак, пусть даже пустой – не по себе становится, и хочется побыстрее дверь закрыть с обратной стороны... Как-то так...

Закрывать дверь было рано. К топору надеялся притер-

петься. Поэтому быстро принял душ и нашёл в Интернете ближайший сетевой магазин для бедных... Ощущение грязи не пропало. То ли душ не был чистым, то ли вообще... Я глубоко вздохнул и подчинился судьбе...

Найдя магазин, стал заходить к нему с тылу, как уличная собака к человеку подходит: мусорные баки искал – спасение пенсионеров. То есть прежде, чем за что-то платить, разумно выяснить, нельзя ли то же самое получить даром...

Сторожей не было. Баки стояли... – Я к ним, но не без опаски: кто знает, какие сейчас порядки по поводу пожрать задарма?..

Увидел – баки недавно опорожнялись. Кратко выругался. Но на дне одного всё же было несколько яблок и апельсинчиков... Ничего. Принёс поддон, два ящика. Один ящик бросил внутрь, чтобы вылезти, и спрыгнул в бак. Наполнил пакет: «Удача!» Выбросил его и следом сам вылез. Чуть-чуть только запачкался. Сторожей опять не обреталось. Даже насторожился: «К чему бы это?» ... В студенческие годы на такой вопрос полагалось ответить: «Быть грозе». – И гроза не замедлила.

Хотя магазин был ещё замкнут, трудовой день уже начался. Я пошёл назад, весьма довольный собой, благодаря великое Непостижимое за ниспослание «хлеба насущного». Дверь в производственное помещение была только прикрыта. Полюбопытствовал: «... Ма-ать вашу!..»

Помещение оказалось просторным. Во всю длину его тя-

нулись металлические столы в два ряда. На столах горы продуктов. А вокруг копошились люди в белых халатах. Тишина нарушалась только негромким нечленораздельным говором, подобным жужжанию. – На осиное гнездо похоже... «Наверняка приезжие», – подумал.

Но дело не в осах, а в том, что каждое из этих, так сказать, насекомых скоро брало по фрукту-овощу, вдвухало в него нечто громадным шприцем, а потом бросало в тележки на колёсах. Прямо же против дверной щели стояла и ёмкость, из которого шприцы пополняли. На ней я с ужасом прочёл преследующее меня слово «оптимизация». Рядом красовалась нарисованная рожица Кадерусселя. Выражение её было весьма ехидным. – «Хорошая сволочь, не наче».

Тут одна из жирных ос, подошедшая к ёмкости со шприцем, заметила меня. Тыква её перекосилась. И она, направив шприц на меня, изо-всех сил нажала на поршень...

Моё счастье, зелья там было мало – не долетело. Я дёрнулся прочь и, не рискуя быть догнанным, затих между баками. Осы тут же превратились в кур и громко закудахтали.

– Ну и где этот мерзавец? – лениво спросил недовольный мужской голос.

– А ты б побёг, догнал бы да всадил ему в задницу порцию, – ответила с хрипотцой, судя по всему, толстая тыква. —

Молчание. —

– А слышь, Марья, глянь, заря расписная только занялася. Не проснулся я ещё зайцем скакать, – тот же недовольный голос. Я представил этого мужика почему-то в виде большого сонного петуха.

– Тфу, работничек! – ответила Марьиная тыква, и дверь с шумом закрылась...

«Женское неудовлетворение – вещь серьёзная, особенно по утрам», – подумал я, осторожно выглядывая из-за бака...

Никого не было. Я положил добычу обратно в бак от греха: «Наверняка и туда оптимизацию впрыснули». И раздумчиво стал возвращаться к девахе...

Голод как-то поутих сам собой. Вот вам **прекрасное средство для похудения: главное, сильно испугаться еды, поняв, что она отравленная – и жрать не захочется**. Советую всем толстым.

Шёл и утешался мыслью, что **в пожилом возрасте сытость редко бывает совместима со здоровьем**. Хлеб видел по дороге там и сям... «Почему люди в разных странах бросаются хлебом?.. Неужели и в Африке так?..» Во всяком случае, в Южной Америке он тоже валяется – французские булочки. Даже бездомные подбирают не все. А здесь – куски батонов и буханок...

Я с ужасом смотрел на эти свидетельства пресыщенности и пищевого разврата, но не подбирал, испытывая страх: «Туда наверняка тоже оптимизацию впрыснули»... А вы что – приходите и полные тележки этого дерьма наваливаете себе.

Испугаетесь же, перестанете ядом себя набивать – и давление будет нормальное, и сахар в крови, и холестерин, и всё такое. Порадуютесь на свои анализы, врачей удивите...

Обожрались. Ни инфаркт, ни диабет, ни артроз – ничто не останавливает, а о внешнем виде вообще молчу.

Одни неудачно используют еду как лекарство от страстного возбуждения. Другие понимают питание как вид разврата – «удовольствие вкуса»... Но вот посмотрите на северных корейцев, там только главный с пузом – сам дурак потом что... Хотелось хотя бы на недельку поменяться местами с этим пацаном. – Обоим бы пошло на пользу...

«А пить?».. – Я покрылся холодным потом. «Что делать?»...

Короче, вернулся только с порожней полуторалитровой пластмассовой бутылкой: мочу ночью собирать, чтоб не выходить из комнаты. А то неизвестно, на что нарвёшься... «Хуже людей только змеи и ядовитые насекомые... Воистину... И некоторые монстры из телевизора», – понял я. И стало стыдно, что я тоже человек; захотелось снять с души этот облик. – «Но ведь всех благо уважать: змей, и кусачих насекомых» – я даже опешил... От этой мысли стало грустно, но она – правильная! И я исполнился гордостью от осознания верности пути, которым следую...

К восьми же утра я вернулся в тот же самый бедняцкий свехрынок. Назывался он... – Прошу прощения, китайские иероглифы... Для интересу походил по рядам. «Ма-атуш-

ки!»: у товаров, что в холодильниках, не было ни одного местного названия, даже у котлет!.. «Все продались Востоку, а продавщицы – как одна, с узкими глазами. Молодца-а-а!.. А раньше, помнится, продавались Западу...» – удивлялся я. – «Впрочем, тут, по-видимому, **главное чувствовать себя родинолобом. А кому при этом продаваться – не важно.**»

Плюнул – и пошёл уценку смотреть. Там оказался мелкий чёрный виноград. Из него вино хорошее получается... Взял всё, сколько было. «Не станут же эти сволочи со шприцами каждую мелкую ягодку колоть, в самом деле. Эдак виноград испортится за сутки. – Резонно», – одобрил я сам себя.

Рядом с магазином отыскал на улице кран. Помыл виноград и наелся досыта. «Авось с этого не оптимизируюсь», – наивно думал я, хрустя косточками. – Виноград ел до подробностей, только веточки выплёвывал. А для попить купил пластмассовый поддон. «Поставлю на балкончик. Дождь же пойдёт когда-нибудь: не Сахара небось»...

«Всё-таки, а **по какой причине все чему-то продаются?.. – Вражеский гипноз, не иначе...** Психологические фокусы... А кто враги?» – И я с огромным удивлением понял, что **лично для меня отчего-то нет врагов...** – «Странно...» – **Даже как-то неприятно** стало...

У меня дедушка был в сталинском лагере. Рассказывал, был там чудо-фокусник. Ему для смеху разрешали чудеса с заключёнными творить. Ну, к примеру, внушал им, что

они по морю плывут – и все бросались на пол и делали руками-ногами движения, плывут будто... Вы поняли, к чему я это рассказал... Раз, два выступил фокусник, а потом исчез, как и не было вовсе... Зима стояла, тайга вокруг на сотни вёрст – и следов нет... – Фокусника того не нашли. А **вы думаете, вы сами придумали, как свою страну «обустроить», вас никто к этому не подвёл заботливо?** – Хе-хе-хе, умники... Что, фокусника волки съели? – Ну-ну.

Мушка «на голубом глазу», или театр масок

Потом поехал в общественную службу по месту регистрации. Это первое дело, чтобы получить право на бесплатный проезд по городу.

Сотрудница маскообразно улыбалась. Она была восточных кровей. Будь, художником, попросил бы её позировать для картины «Смерть», ну или «Змея», в крайнем случае. Я тоже улыбнулся. Надеюсь, не как Кощей Бессмертный. – Старался.

Здрасьте-здрасьте... Но, вникнув, сотрудница сняла улыбку, как маску, и положила её на стол... Представьте стриптиз старой бабушки – смерти, в смысле.

– А почему ваша карта так намного просрочена? —

Говорить, что я здесь не живу, опасно. Опять врать пошёл, мол не нуждался в проезде, всё вокруг дома да около, а пенсия в банк идёт... Последнее – правда... «И вообще, почему она так со мной разговаривает, я же титульной нации, а она...»

– И вас не вызывали по поводу оптимизации?.. – голая «бабушка» смотрела на меня подозрительно и весьма ядовито.

А тут мне случай помог. Ибо так вышло, что мой умерший

отец не был снят с учёта. Оказалось, что снять с учёта умершего за рубежом очень не просто – а отец умер за границей. Пенсии его лишили по телефонному звонку без разговоров. А вот снять с учёта можно было только лично. На другое полушарие лишний раз не попрёшься, это не на дачу съездить. Вот и вышло, что отец в общественной службе числился мёртвой душой.

– За отцом ухаживаю. Больше некому, – врал я.

И тут произошло нечто-то в духе греческой трагедии. Потому что сотрудница достала из стола злобную маску: ну сейчас бросится и покусает:

– А его почему не оптимизировали?

– А он здоровый, – продолжал я лихо лгать, войдя в роль. Думаю, у меня и глаза в это время стали голубыми... Почему голубоглазые считаются самыми отчаянными врялями, я не знал. Примета, наверное, народная. Я заморгал глазами.

– Простите, зеркальца нет? —

Маска опешила:

– А что?

– Мушка, видать, в глаз залетела... —

К моему ужасу я увидел себя в зеркальце невозможным красавцем: седеющие волосы и ярко-голубые славянские глаза... Как у белой кошки или синеглазой женщины на картине Модильяни... «Нет, у кошки красивее», – мысленно сравнил я...

Почему я решил, что у славян должны быть обязательно

голубые глаза? – В юности был на Севере. – Там оно как раз так. А вот сколь не «листал» в голове известные картины художников, глаза русичей как будто везде были карими, как и у меня на самом деле...

– Помочь? – ледяным гласом спросила маска.

– Справлюсь, – ответил я. И сделал вид, что извлекаю мушку. —

Мушка прекрасно отвлекла маску от меня и от оптимизации. Сотрудница выдала мне временный документ по поводу проезда.

– Через месяц явитесь за новой общественной картой, – сказала она, убирая зеркальце и злобную маску в ящик стола и обнажая первоначальное лицо. Оно было каким-то затёртым. «Тётка, наверное, спит вверх задницей», – решил я. – Бред, бред, бред»... – И поспешил вон.

Прейскурант

Я без осложнений снял деньги в банке и заказал карту. Поэтому, когда в комнатной двери нарисовался блин комнатосдавателя, мы быстро уладили наше дело.

Когда мягко и нагло давят, я теряю сообразительность. «Зачем отдал здесь, а не в банке?» – запоздало понял я, вспотел и покраснел. Но было поздно.

Толстый напоминал какое-то хищное животное, которое играло с жертвой перед тем, как съесть... Нет, ошибся: он походил на дельфина... Не слышали? – Стая дельфинов окружает человека в море и начинает играть им с самым добродушным видом: кидают человека, как мячик. Человеку сначала смешно. Да только потом рёбра ломаться начинают от сильных подкидываний. Тут уже ор, мат, хрип... – Вы поняли.

– Тут вот ещё что, – сказал толстый, чуть прикрыв глазки. С них, казалось, сейчас жир потечёт. – У нас предусмотрены услуги для более полного удовлетворения жизненных потребностей постояльцев.

– Какие? – спокойно поинтересовался я. —

Толстый изобразил из себя жеманную девочку. —

– Поесть и удовлетворить желудок вы можете без труда. Опорожниться – пожалуйста, вот туалет. Но у вас же ещё есть и простата. А этот орган требует работы, как и все

остальные. —

Глазки толстого сузились до предела. И сейчас он напоминал уже кота, внаглую съевшего блюдце сметаны. —

— И что же, — спросил я, хмурясь и глядя на жир, капающий из глазок толстого на пол — в самом деле, должна.

— А то, что у нас в штате девочки — проверенные, опытные, как хотите: спереди, сзади, в рот, на пару — по прейскуранту, — выпалил толстый на одном дыхании, опасаясь, что я перерву, и с вежливым поклоном, вытащив из папки, предложил мне упомянутый прейскурант. —

У меня, как у мужчины, конечно же, шевельнулось в штанах и произошло некое помрачение сознания. Но я, и даже не оттого, что я человек молящийся, а оттого, что жизнь прожил и на людей нагляделся до рвоты, решительно поставил между прейскурантом и моей грудью ладонь:

— Нет, дорогой мой, — тепло молвил я с задушевной улыбкой, напрягаясь, как бы соврать ловчее, чтобы не обидеть хозяина...

Люди гнуснейшую жизнь устроили, в которой, что ни поворот, а лгать необходимо — вечную душу марать. Иначе чревато... —

— Спасибо за душевную заботу. Но у меня оперированная аденома. Поэтому этот отсутствующий орган, к моему величайшему сожалению, работы уже не требует.

— А сколько вам?

— Да уж восьмой десяток пошёл. —

Блин посерел, будто неделю после масленицы пролежал не съеденным. А жир даже с пола испарился. —

— Кстати, паспортчек пожалуйста для временной регистрации. —

Я не увидел причины отказывать.

Добродушие сытого кота сменилось на нечто злое и голодное... — на морду крысы, пожалуй, шныряющей в поисках жратвы.

— В самом деле, в самом деле, — будто оскорблённо лепетал он, листая паспорт. — Хорошо сохранились... Ну что же, оставайтесь. —

Сунув мой паспорт в папку, толстый, не взглянув на меня, вышел...

Я — за ним:

— Куда же вы, уважаемый? А банк?

— Как-кой банк? — Толстый смотрел на меня, как на идиота. Он как-то враз перестал походить на крысу... Правильно: крыс не любит никто. И голос его почему-то сделался писклявым.

— Да деньги ж платить.

— Как-кие деньги, уважаемый? — И толстый сложил кожу на лбу морщинами вдоль. — Суший клоун. —

— Да за житьё же! —

Толстый поскучнел:

— Ах, будет вам, полноте, что за формальности? — И он, оставив меня с носом, нагло вышел.

Я потёр нос и почувствовал – он распух: надули!.. А кто виноват? – Сам дубина... Бессильно возмущался, даже плакать хотел. Но и испытывал большое облегчение, смешанное с тревогой. И тревога усиливалась: анчутинг оказывался слишком крутым и вонючим для моей тонко устроенной натуры: «Как вообще можно жить в этом гадюшнике, не так давно бывшем моей замечательной Родиной?»..

Нет, я не стремился очернить Отечество. Потому что видел: **люди во всём мире изо всех сил стремятся превратить земную жизнь в го. но и счастливо бытийствовать в этой духовно зловонной мерзости...** Почему? – Мне ясно: такова воля Всевышнего о землянах... Дьявол?.. – Да ладно вам с иностранным народным творчеством... Но тут же Родина. И вдруг – вместо Отечества – вонючий, год не чищенный сортир... Тьфу!..

Топор, висящий в воздухе, оказался добротнo вымазанным человеческим навозом. Не справившись с запахом, я несвоевременно заснул, чтобы избавиться от наваждения.

Чёрные когти

Постучали:

– Можно? —

Сон оказался чутким. Вскинулся и очумело молчал. Просунулась деваха в своём халатике с чужого плеча.

– С утрецём вас.

– Что? – спросил я вместо ответа.

– Жирняга девок предлагал, да? – деловито спросила деваха.

– Ну.

– Взяли?

– Мне не надо, – ответил я хмуро.

Деваха засмеялась:

– Всем надо. – И резко помрачнела. – Это вы напрасно... – А что, не стреляет уже? – сочувственно спросила она и подпёрла ладошкой подбородок. – Бедненький. —

В голосе чувствовалась слеза. Деваха укрепила своё изображаемое чувство хлопанием накладных ресниц.

Положение было невозможно нелепым. Но я боялся обидеть деваху: жить ведь с ней. Обозлится – такого натворить может, что без трусов убежишь.

– Может быть, не стоит вмешиваться в мою жизнь? – сказал я, не отвечая.

– Дурачок вы, – обиделась деваха, – я ж из сочувствия. Вы,

сразу видно, приезжий, издалека. Не знаете, как тут и что. И *хозяйва* оберут вас за милую душу, выставят, а то и вовсе *оптимизируют*. —

Моему удивлению не было предела:

– Как? Что? И они могут?!

– Ещё как, – снисходительно ответила деваха... – Даже я могу, – прибавила она как-то очень буднично, помолчав, взмахнув ресницами к потолку. —

Это уже начинало раздражать.

– Да что же это значит-то, вы можете объяснить?.. —

Пропáхнув мимо меня дорогими духами, деваха подошла к окну.

– Сюда ходите, – она поманила меня ладошкой с огромными чёрными ногтями. —

Я ужаснулся: деваха не была человеком: у людей такие ногти не растут.. «Кто, кто это?!..» – Я не верю в дьявола, думаю, это одна из поповских выдумок... Но – покорно подошёл на всякий случай...

За окном бытийствовала столица, чем же столице ещё заниматься, как не бытийствовать?

– Дым видите?

– Ну. —

Трёхэтажное строение по-прежнему занималось каким-то вредным для окружающей среды производством. —

– А вот там? – И деваха скрипнула когтем по стеклу налево. —

Там – не так, чтобы далеко – тоже дымил.

– Ну? – повторил я уже в виде вопроса. – И что?

– Сожгут тебя, дурак, за милую душу, вот что, – грубо сказала деваха, провоняв духами вглубь комнаты, и уселась на кровать запанибрата. – Крематории это... Слышал небось про такие? —

– Так я ж ещё не покойник, – спокойно возразил я, потому что, как молящийся, к смерти относился спокойно: рано или поздно это случается со всеми. – Хотите сказать, что вы меня можете здесь убить, что ли? —

Деваха, опершись руками за задницей на кровать, откинулась и, свесив волосы, засмеялась так, что пуговица на халатике расстегнулась, обнажив гнусные татуировки на животе и ляжках. —

– Мараться ещё... Надо больно... Люди особые для этого есть: приедут и заберут. Наше дело сообщить только, – цинично проговорила она.

Деваха посмотрела на свои раздвинувшиеся ляжки, но сводить не стала... Я забеспокоился, потому что не мог взять в толк ни смысла речи девахи, ни положения ляжек, ни странного взгляда...

«Если молодая, находясь в соблазнительном положении, так вот смотрит на старого – ясно: хочет уложить и обокрасть... Не хватало ещё, чтобы сиська вывалилась. – И сиська появилась тут же. – Тьфу!» —

Сиська выглядела сущим наливным яблочком... «Где мои

семнадцать лет?» ... А на яблочке... Уййй... Сердце дёрнулось и, думаю, расширились глаза. Потому что там была вытатуирована утконосная мордочка Кадерусселя. Он был серьёзным, но показывал язык, как Эйнштейн...

«Чур, чур, чур!» – Я закрыл глаза.

– А сообщивший об уклоняющемся от оптимизации процент имеет с продажи его имущества, – продолжала деваха нудным голосом, не замечая моих переживаний.

Я разом очухался и снова вспотел: «Эти сволочи, видимо, одна банда, и угрожают отъёмом квартиры, – понял я. – Но чего хотят от меня вот прямо сейчас?»

– На каком же, однако, основании могут заживо сжечь невинного на его Родине? – рассудительно спросил я.

Деваха встала, вложила сиську на место, как грейпфрут в пакет, и застегнула халатик.

– Откуда ты свалился сюда, где такие дурачки водятся, поделись. – Она меня откровенно презирала.

– Из Южной Америки, – ответил я, чувствуя себя и в самом деле полным идиотом.

– Во-во. Ты там, наверное, в набедренной повязке и перьях ходишь. – Деваха уничижительно стрельнула на меня глазами и пошла на выход. – Жалко мне тебя... —

Прикрыв было дверь, она снова всунулась наполовину:

– Дурачок! – молвила на прощание и, колыхнув грудями с Кадерусселем, пропала, оставив запах духов на память о приятном общении.

Я зажмурился. Потому что мерещились чёрные когти. Женские руки с когтями возникали то справа, то слева, даже из потолка. Я уклонялся, как мог. Но одни когти, зацепив штаны, всё-таки стянули их, порвав... Эко видение!.. Без штанов я чувствовал себя незащищённым, как улитка без раковины.

Раздевающие очки

В конторе оказывающих услуги по продаже и аренде жилья на меня вылупились, будто я нарисовался без трусов. Вот оно к чему мерещились чёрные когти... Покраснел, стало неловко так, что я даже невольно загородил ладонью достоинство, называемое почему-то срамом...

– Собственно, я бы хотел продать квартиру, – промямлил я, сев в ближайшее кресло без приглашения, положив на якобы срамное место папку с документами.

Вокруг зароились три сотрудницы в очках, жужжа какие-то глупости... Я заподозрил, что их очки позволяли видеть человека без одежды, столь своеобразно они меня рассматривали.

– Простите, очки забыл, – нашёлся я соврать. – Нет ли у кого из вас плюс два?

– Как раз у меня, – радостно прожужжала одна из пчёлок и ринулась прямо ко мне, снимая по дороге очки.

Я закрыл глаза, испугавшись насилия. Но пчёлка только ловко надела очки на меня и отпрянула. Она подкатила кресло и уселась бочком, наложив лапку на лапку... Смотрелось и в самом деле смотрелась аппетитно, а «пчелиный» запах легонько приятно кружил голову... *Дурман почему-то всегда приятен...* Впрочем, я тогда не понимал, что дело было в очках, которые на меня напялили.

Прямо передо мной на стене висела картина, показавшаяся знакомой: луг, за ним горы, солнце, а на лугу, головой ко мне – молодая особа на траве с залуплённым платьем и раскоряченными ногами... «Где-то я её видел, где-то я её видел... Ах да: у нас в клинике. Но там она совершенно уместно смотрелась у кабинета уролога, а здесь – зачем?!» – Я не на шутку озадачился.

Ошалело переведши взгляд на пчёлку, обнаружил, что все они ниже пояса почему-то в купальных костюмах. Да и верх был несколько прозрачным, я бы сказал.

У нас есть один толсторожий телеведущий, Фаусту. Он бойко мелет чепуху с серьёзным видом, а сзади весёлая женская компания дёргается в таких-же, как у пчёлки, одеждах. Я, как вижу всё это, кричу им в телевизор:

– Штаны наденьте, дуры! Чего залупились-то, твари бесстыжие! —

...Ну, здешним пчёлкам я, понятно, не стал говорить ничего. «Беспорточность безусловно способствует одурачиванию нуждающихся в услугах, – не мог не подумать. – Всё ясно: грядёт развод».

Умеренная оголённость воровок у вменяемого мужчины не может не вызвать соответствующего желания и тем самым внести замешательство в сознание... Вот в таком ущербном состоянии я и подписал неизвестно что. – «Девочки грамотно работают», – не мог не одобрить я пчёлку, даже в одурманенном состоянии.

– Всё в порядке, – прожужжала одна из них столь плотно, что мне захотелось расстегнуть штаны.

– А? – ответил я и мелко затряс головой.

– Да вы не волнуйтесь, – понимающе пропела пчёлка, – дело житейское.

Её товарка подкатила столик. А другая уже ставила на него кофе. Тоже бочком, попочку оттопырив.

«И куда что девается, – думал я, вздыхая. – Где холодность, где хамство», – ощущать которые я так привык на Родине...

– Сахарозаменитель или мёд? – томно прозудела кофейница.

– Мёд, – хрипло прошептал я. —

Он тут же появился. Я с ужасом вспомнил оптимизацию, в смысле, что во всех предлагаемых мне яствах безусловно содержится отравка Кадерусселя, если чего не хуже. Но отступать было поздно. «Ладно, – думаю, – от одной чашечки ничего не случится».

– Очки вам помешают пить, – жужжала между тем первая пчёлка. —

Она присела на ручку кресла и стала, пристально глядя в глаза, медленно снимать с меня очки, будто отрешая риз...

«Х.й с ним», – подумал я и перестал вообще понимать что бы то ни было.

...Очнулся уже в потёмках... Лицом дышал в траву. По щеке и, видимо, в волосах ползали муравьи. Приподнял-

ся на локтях...

Я был в одном из скверов нашей замечательно зелёной столицы, за кустом... Кто-то явно позаботился о моём покое. В штанах побаливало, будто меня изнасиловали. Пошарил глазами папку. Её не было.

«Сссуки, – начал догадываться я и усмехнулся: там были одни копии». А кроме того, зная об отечественном бандитизме с жильём, в Управлении недвижимости я в своё время отметил в документах: «Запрещается производить какие-либо действия без личного присутствия владельца». Паспорт с регистрации толстый комнатосдатчик мне ещё не вернул. Временную бумагу для проезда я тоже не брал, потому что улей коварных пчёлоч располагался недалеко от дома. Поэтому я спокойно привёл в порядок одежду, и, вычесывая муравьёв, беззвучно смеялся, вспомнив то ли весёлое, то ли очень печальное...

В начале либеральных преобразований, когда ушлые сограждане создавали первоначальный капитал, грабя народ, еду в троллейбусе. – Это перед эмиграцией.

– Я хочу ходить в театр, – вопила какая-то старая тётенька. – Я хочу пить коктейль, а у меня нет денег!.. Отдайте мои деньги! —

«Ну не дура ли? – думал я. – Сама ж проголосовала за своё ограбление... – Идиотка...» – А на соседней лавке сидел, наклонив голову, бездомный и вычёсывал на пол троллейбуса вшей... Муравьи, которые падали из моей полулысой голо-

вы, были куда менее упитанными, и не кусались...

В голове почти приятно пошумливало. Я шёл домой и не без удовольствия вспоминал жужжащую попчатку, голую ляжку от пояса и раздевание очков... Ляжка напоминала очищенную и ещё не пожаренную ножку какой-то птицы или зверька. «На сковородку бы её...» —

Я проглотил слюни и решил, что всё было справедливо: «Удовольствие испытал – да. А за удовольствия нужно платить»... Удовольствие же теперь представлялось гаденьким и каким-то липким...

Накрапывал дождик. Но я не торопился. Чувствовал себя прекрасно. Потому что представлял облом пчёлок в Управлении, куда они поутру наверняка прилетят с поддельной доверенностью на продажу моей квартиры... «Ха-ха-ха-ха-ха!»...

Довольно близко прогремел гром: «Быть грозе. – Прекрасно: будет питьевая вода», – порадовался было я, но тут же и омрачился: «А что, если Кадеруссель и в облака оптимизацию с самолётов впрыскивает? Ведь у людей, пришедших нынче к власти в разных странах мира, очень острый и ядовитый ум, заточенный на личное обогащение и, как они выражаются, оптимизацию сограждан.» – Я даже не улыбнулся этому глупому предположению, ибо в наше время может быть всё: и чего нет, и то, что и в самом страшном сне не приснится, – во время то ли крушения мира, то ли преддверия глубоких духовных

перемен.

В интересное время мы живём, не правда ли? Захотелось найти ромашку и поиграть, отрывая лепесточки: выживем – не выживем, развалится Земля – не развалится... – Поиграть и посмеяться.

Жажда

Спал без просыпу – глубоко. И не поднимался по малой нужде, потому что, как не было залито в желудок, так и спустить было нечего. А несколько глотков вчерашней отравы у пчёлки мой мочевой пузырь выдержал, не ойкнув.

Распахнул балкон... Обдало свежестью. И... Я очумело захлопнул зевающий рот: поддон был до краёв наполнен дождевой водой! – «Ура-а-а-а!» – Жажда ударила в голову, как моча... Задрожал – и припал по-собачьи. Ещё бы – третий день без питья!..

О-о-о, я вожделенно лакал, с удовольствием ощущая себя животным... Какая чашка? – Не до неё... Вначале будто вдыхал воду, погружаясь в поддон до глаз и плюща нос. Затем глотки становились реже и мельче... Нос вытащил... И, наконец, я только мычал и ласкал воду губами, как жёну... – Да, вы знаете, я до сих пор так поступаю. – А потом, всё ещё стоя на четвереньках, приподнялся и, вывернув голову к небу, бессловно, всем нахлебавшимся нутром благодарил великое Непостижимое, которое обыватели называют богом. «А ведь животные наверняка поступают и чувствуют именно так!» – понял я.

На небе не было ни облачка. Непостижимое, как ему и пристало, бесстрастно наблюдало за творящимся на Земле, оставаясь невидимым. Торжественно, гимнически, хотя

и беззвучно, поднималось солнце. И я с глубочайшей благодарностью продолжил возносить хвалу Всевышнему за жизненно необходимое удовлетворение до тех пор, пока в трусы не закапало... Тут я прервал свою полусобачью молитву и устремился в туалет.

Стульчак был опущен. «Бедняга, – подумал я, – одна сегодня». Поднял его и блаженно выплеснул почти прозрачную жидкость. На душе стало по особенному легкомысленно. Настолько, что я не испытал никаких чувств, обнаружив в моей постели деваху. Она смотрела на меня так ласково и спокойно, что я почувствовал себя дома и, не рассуждая, засунулся под одеяло. Деваха была совсем другой, чем накануне. **«Настоящая женщина – духовный хамелеон, – подумал я, – тонкий психолог».** А деваха медленно, но решительно снимала с меня ногой трусы. Будучи сильно расслабленным, я не сопротивлялся.

– Что ты задумала? – только и спросил.

– Молчи, дурачок, – грудным шёпотом промолвила деваха.

Её губы оказались горячими, хотя и не такими полными, как хотелось бы. Но они всё равно обняли меня так, что я почувствовал себя внутри девахи, как в лоне. А её руки уже искусно работали с моими мужскими принадлежностями. Когда же она приготовила их, то вдохновенно откинув одеяло и скоро сгруппировавшись, направила на меня два полушария. На левом был небольшой прыщик, но это не важно.

– В ж. пу, – томно но настойчиво попросила деваха. —
Плюнь только сначала. —

И тут я вспомнил кепку на вокзале, плюнувшую в меня плевелами. А также то, что попкино баловство в два-три раза дороже обычного... Понятно, я был по-пензионерски экономным. Прибор от мыслей о денежных единицах размяк и уподобился жёванной морковке. Я нежно поцеловал восточное и западное полушария., западное, понятно, даже два раза. И с удивлением понял, что прыщик точно находится на месте моего городка в Америке.

От попки пахло совсем не г. вном, как можно было бы предположить, а чем-то волнующим, уносящим в заоблачные дали.

– Так ты анальная, что ли?

– Угу, давай, – нутряно прогудела деваха. —

Я выкарабкался из-под неё и начал натягивать брюки.

– Извини, опал.

– Ччччч? – змеино прошипела деваха и повернулась ко мне бешеной собакой.

– Мне не семнадцать лет, ты же видишь, – подтвердил я отсутствие намерения, свистнув молнией ширинки.

– Идио-от! – зарычала деваха, вскочила и кинулась на меня со своими чёрными когтями. —

«Пиз. ец!» – понял я. Однако между нами оказался стул. Я поднял его. Деваха обломала ноготь, сразу сникла, зауйкала и, ругаясь матом, выбежала.

Остатки гражданского неповиновения

Погода стояла ясная. Посмотрел прогноз: четыре дня вёдра. И удивился простой мысли, пришедшей в голову только сейчас: можно ж брать воду из родника!

В компьютере оказалась интерактивная карта родников этой области. Их оказалось около восьмисот! И некоторые совсем близко к городской черте. «Хрен нас оптимизируешь!» – воскликнул я в душе своей и горячо возблагодарил великое Непостижимое. А затем, отыскав на помойке пятилитровую бутылку с пластмассовой ручкой, отправился к роднику.

В подземке было непривычно свободно... Задумался... И вдруг с большой тревогой понял разительное отличие путешественников от ездоков времени моего бытия на Родине: ровесники почти не встречались. Тогда как раньше именно они в основном и наполняли подземку...

«Дела... Но что же их заставляет сидеть дома, когда проезд пенсионеров по-прежнему бесплатный?» – Эта мысль паразитом вбуравилась в мозг и, доползши до середины его, расправилась и засмеялась: «Да их же оптимизировали!» И тут же в сознании возникло лицо девахи: «Дурачо-ок!» Лицо то хохотало, то, превращаясь в собачью морду, рычало.

Даже слюна капала... Как можно верить женщинам?..

Мысль же об оптимизации походила на коричневую сороконожку. Я быстро раздавил её с помощью молитвы Присно существу. Над чёрными же когтями девахи и лицом её молитвенно пришлось поработать подробнее. Я даже чуть не пропустил нужную станцию...

Итак, приехав продать квартиру, я оказался в глубоко враждебной стране, общество которой страстно желает меня убить – оптимизировать то есть, и вступать со мной в интимные отношения в сомнительных целях...

Родина, ... – и я добавил к этому святому понятию неприличное слово. Но, почувствовав что-то не то, молитвенно стёр его в сознании. *«Родина святá всегда, – сказал я сам себе в душе моей. – Она убивает? – Значит, такова воля Закона Воздаяния... Умереть по воле Родины или уклониться?.. Великое Непостижимое, прости меня! – взмолился я. – Виновен, ничтожен. Но я горячо люблю тебя. И поэтому, сколь хватит сил, буду уклоняться, хотя тебе, как видится, угодна моя телесная смерть».* – Тут слёзы полились из глаз моих. Я непроизвольно замедлил ход. Меня стали толкать и еле слышно обругивать.

– Не бойся, дед, – на ходу бросил какой-то зубоскал, – это быстро. Рррраз – и дымок пошёл. Ха-ха-ха-ха...

– Пора, по всему видать, – подтвердила его соображение молодая женщина с ребёнком. —

Я понял, о чём они, пришёл в себя и, вытирая слёзы, по-

спешил на автобус.

Спешить оказалось не нужно. Потому что, в отличие от подземки, здесь была внушительная очередь. Люди толпились несколько иные – попроще, а некоторые женщины и вовсе, как встарь, в платочках. Но опять же старух среди ожидающих не было...

Удалось сесть только на третий автобус. Но природой полюбоваться почти не пришлось. Ибо едва начался бор, как записанный на плёнку женский голос ласково сказал:

– Со-осенки. —

И почти весь автобус дружно вывалил вон. Каждый человек нёс чем-то наполненный тёмный пластиковый пакет... Ко мне тут же подошла пожилая женщина:

– Вы бы прикрыли бутыль, что ли. А то не довезёте.

– Как так?

– А так, – наставительно закончила женщина. – Заподозрят в уклонении – и сегодня же оптимизируют без суда и следствия. – И она быстро отошла от меня, как от прокажённого.

Я понял, что она права. Спрятал бутыль в кустах и пошёл пешком назад в город. Пакет нашёл в первом же мусорном баке, и вытряхнул его содержимое.

...Вернувшись в «Сосенки» и войдя в бор, невольно прикрыл глаза и стал глубоко дышать, аж слёзы навернулись. Сердце наполнилось отрадой и охотно любило всё видимое и невидимое... Даже волоски Кадерусселя. Шёл и пел про

себя:

Стоит наш лес могучий,
Как богатырь живой,
Надвигул шапку тучей
И шелестит листвою¹...

¹ Широко известная песня Ф. Мендельсона-Бартольди на стихи Йозефа Эйхендорфа, правда, некоторые полагают, что Г. Гейне. Я любил петь её в юности.

Продолжать, однако, на стал, потому что в песне говорилось про *лиственный лес*... А у нас, кстати, сосен нет, пинии только. Они, да, похожи, только иголки в три раза длиннее. И то на сопках растут. А тут родное – «Со-осенки!»...

И вспомнилось, как в детстве гулял с дедушкой в леске, грибы собирал. Под соснами маслята были... Огляделся на ходу... Куда-а-а. Близ такой-то незарастающей народной тропы... Тут едва какой грибочек головку покажет – сейчас выковырят, и грибницу не пожалеют...

Тропа упиралась в очередь, а очередь – в источник... Так в старину дороги заканчивались у сельского магазина... Большею частью стояли женщины, но передо мной оказался зачуханный мужичонка... Все молчали. Двигались очень медленно. Желая узнать, почему, пошёл посмотреть.

Источник довольно бодрой струёй вытекал маленьким водопадом из расселины в небольшой скале. Под ним бы-

ло озерцо. Но люди подставляли свои ёмкости под струю, а не *чёрпали*. И я понял, что оно едва ли случайно: не верят в чистоту озерца: Кадеруссель не дремлет.

Вернулся к своей очереди. И тут где-то у дороги возник и стал приближаться стрёкот. Очередь всполошилась и начала быстро рассеиваться по бору. Побежали и мы с мужичонкой: «все бегут – и мы бежим». А пакеты с бутылками бросили, тоже как все... Вскоре напали на яму, то ли воронку. Просвистела мысль: «Может быть с войны ещё, от фугаса». Прыгнули. Там было чуть не до колен прошлогодних листьев.

– Закапывайся! – приказал зачуханный. —

Я лёг на спину и закидался хорошенько.

– Чего такое? – спросил потом.

Но тот не успел ответить, потому как на нас навалились какие-то тётки, хорошо не жирные. Но всё равно воздух из брюха выпустили. Я дышал мелко-мелко, будто вокруг меня обвилась анаконда. «Анконда наверняка не пердит», – подумалось.

Все молчали... Стрёкот, отдалившийся было, снова стал приближаться, и вдруг стих.

– А ну вылезайте! – сказал грубый мужской голос. —

Тётки надо мной зашевелились и гнусно захныкали, поминая почему-то золотой юань. Мне наступили и на грудь, и на живот, и на лицо... Терпел, мысленно матерясь. Сердце оглушало барабанным боем...

– Документы! – приказал тот же человек. —

Молчание... И тут одна запричитала, что забыла дома.

– С нами пойдёшь, – приказал грубиян. —

Как же она плакала, как причётывала, как умоляла!.. Ей не отвечали... *Причёт* же вела правильно – по старинке: «Деревенская, сразу видно. Жаль, что таких убивают. Лучше б безродных иностраннопоклонников, а то своих не осталось на Родине: **чужие стали своими, а свои – чужими...** **Теперь, чтобы стать на Родине своим, нужно переродиться в чужого»** ... —

Когда стрёкот явно отдалился, я высунулся... Автоматчики сопровождали нескольких женщин. С ними был ещё кто-то, похожий на попа; во всяком случае, в чёрной хламиде и в высокой шапке. А стрёкот происходил от маленького трактора. Он вёз какой-то бочонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.